

Хо Уцзю прекрасно понимал, о чем думает этот подчиненный Цзян Суйчжоу.

Будь он и впрямь наложником принца, подобные речи не вызывали бы удивления. Но раз это не так, значит, он попросту разыгрывает комедию, решив позабавиться за его счет.

Хо Уцзю вспомнил те немногие случаи, когда сталкивался с этим человеком после своего заточения в поместье принца Цзина, и лишь укрепился в этой мысли.

Договорив, Хо Уцзю окинул его холодным, мимолетным взглядом. Он никогда не позволял другим потакать подобным намерениям, особенно когда дело касалось его самого.

Гу Чанцзюнь, услышав ответ, остолбенел. Он привык считать Хо Уцзю безмолвным пленником, который вечно угрюм и неразговорчив, и полагал, что легкая провокация от скуки не обернется ничем серьезным.

Он не знал, что Хо Уцзю с самого детства в Янгуани славился как «тихий омут» с весьма непростым нравом. С виду он казался невозмутимым, окутанным аурой надменного безразличия, но на деле задевать его не стоило никому. Мальчишки, познавшие на себе его тяжелую руку, за спиной шептались и давали ему прозвище: «собака, что кусает без лая».

На мгновение слова застряли в горле Гу Чанцзюня. В его глазах отразилось неподдельное потрясение, и он замер, во все глаза уставившись на генерала.

— Ты...

Хо Уцзю смотрел на него бесстрастно. Несмотря на то, что его ноги были утыканы пугающими серебряными иглами, а губы побелели от боли, выражение лица оставалось безмятежным, и лишь уголок рта иронично изогнулся.

— Что «я»? — Он незаметно покосился в сторону окна. — Ты ведь пришел сюда именно ради этих слов, не так ли?

Сказав это, он опустил веки и замолчал, давая понять, что разговор окончен.

Гу Чанцзюню пришлось приложить усилия, чтобы заставить себя продолжать игру. Он не ожидал, что Хо Уцзю не просто ответит, но и двумя фразами заткнет его за пояс.

Потерпев неудачу в своем поддразнивании, он встал, намереваясь выдать пару капризных реплик, чтобы сохранить лицо и найти повод уйти.

— Ну и ладно! Я всего лишь зашел выпить чаю да перемолвиться парой слов, а ты так грубишь! — воскликнул он. — Раз господин Хо мне не рад, не стану больше мозолить глаза. Поглядим еще, как «старая любовь уступает место новой», и долго ли Его Высочество будет тебя баловать...

Бросив это, он развернулся к выходу. И столкнулся нос к носу с Цзян Суйчжоу, который, нахмурившись, входил в комнату.

Заметив через небольшую гостиную, что лицо принца потемнело от гнева, Гу Чанцзюнь понял — дело плохо. Видимо, он заигрался. Он поспешно склонился в поклоне:

— Ваше Высочество, прошу прощения! Ваш покорный слуга потерял самообладание!

Цзян Суйчжоу посмотрел на него с нескрываемым раздражением. Он знал, что Гу Чанцзюнь

обожает ломать комедию, но полагал, что у того хватит благоразумия не устраивать сцен перед Хо Уцзю. Однако, помня о заслугах подчиненного, принц не стал сурово его отчитывать, а лишь холодно предупредил:

— Уходи. Отныне без моего приказа тебе запрещено входить сюда.

Гу Чанцзюнь понял, что Цзян Суйчжоу сохранил ему лицо перед остальными. Смиренно опустив голову, он подтвердил приказ и попятился к выходу. Перед тем как скрыться за дверью, он не удержался и бросил взгляд на кровать в глубине комнаты.

Человек на ложе сидел с закрытыми глазами, словно и не произносил мгновение назад тех колких слов, безропотно позволяя лекарю вводить иглы.

«Кто бы мог подумать, что эта собака действительно кусает молча», — Гу Чанцзюнь стиснул зубы.

Он знал, что Хо Уцзю горд и высокомерен, привык смотреть на всех свысока и не снисходить до мелочных споров, отчего казался легкой мишенью. Но он и представить не мог, что этот человек окажется настолько искушенным в интригах и умении раздувать пламя.

Всего парой фраз он подставил его под удар, заставив совершить ошибку на глазах у господина. Это был первый раз, когда Гу Чанцзюнь так глупо оплошал.

Когда Гу Чанцзюнь ушел, Цзян Суйчжоу почувствовал укол вины перед Хо Уцзю. Но он понимал: тайна личности Гу Чанцзюня должна остаться нераскрытой, а в комнате слишком много лишних ушей. Поэтому он не стал пускаться в объяснения.

— Он больше не будет тебя беспокоить, — сухо произнес принц и присел рядом.

Хо Уцзю отозвался невнятным хмыканьем, задумчиво разглядывая частокोल игл в своих ногах.

Он и сам знал, что Гу Чанцзюнь больше не придет. Поначалу он просто хотел уязвить наглеца, чтобы тот вместо забавы получил порцию досады, но стоило ему заговорить, как он услышал шаги Цзян Суйчжоу за дверью.

Тогда он мгновенно сменил тактику, загнав Гу Чанцзюня в тупик и вынудив того выдать реакцию, при этом сам Хо Уцзю остался как бы ни при чем. Подсознательно ему не хотелось оставлять о себе дурное впечатление у принца Цзина. Вместо этого он выставил виноватым Гу Чанцзюня и заодно...

Он вскинул взгляд на Цзян Суйчжоу. Тот сидел у окна с отсутствующим видом, бесцельно листая книгу. В его движениях сквозила неловкость, словно это он сам в чем-то провинился.

Уголки губ Хо Уцзю едва заметно дрогнули, и он отвел глаза. То, с каким трепетом принц относился к его настроению, невольно рождало иллюзии, которых быть не должно.

В комнате воцарилась тишина. Лишь когда Хо Уцзю выпил лекарство, лекари собрали инструменты и удалились. Только тогда Цзян Суйчжоу снова заговорил.

— Гу Чанцзюнь просто любит пошалить, не принимай это близко к сердцу, — сказал он.

Хо Уцзю натянул одеяло, укрывая ноги.

— Пустяки, — бросил он.

Цзян Суйчжоу вздохнул и, взяв книгу, присел на край кровати.

— Хорошо, что ты так великодушен. Сегодня он и впрямь перешел границы.

Хо Уцзю сохранял спокойствие и невозмутимость, будто и не он только что подливал масла в огонь.

Между тем Цзян Суйчжоу продолжил: — Сюй Ду приходил утром. В доме Чжао Дуньтиня действительно удалось обнаружить письма.

— Чжао Дуньтинь? — Хо Уцзю поднял взгляд.

— Да, тот самый ученик Ци Миня, о котором ты говорил. Занявший третье место на экзаменах десять лет назад.

Хо Уцзю кивнул:

— И что в письмах?

— Переписка с Северной Лян, — ответил Цзян Суйчжоу. — Те, что он принес от Пан Шао. Подделки выполнены с невероятным мастерством, на них даже стоит печать Лян.

Хо Уцзю нахмурился:

— Какая именно печать?

Цзян Суйчжоу достал из рукава копию письма и протянул генералу. Хо Уцзю развернул бумагу, бегло просмотрел текст и замер, впившись взглядом в оттиск печати в конце послания. Он долго молчал. Цзян Суйчжоу заметил, как его пальцы едва уловимо коснулись края изображения, словно проверяя его на ощупь.

— Что не так? — поспешно спросил принц.

Спустя мгновение Хо Уцзю заговорил, и его голос звучал непривычно глухо и хрипло.

— Ты говоришь, это Пан Шао изготовил подделку? — спросил он.

— Да. Что-то не сходится?

Хо Уцзю не отрывал горящего взгляда от оттиска, казалось, он готов испепелить бумагу на месте.

— Эта печать... — медленно произнес он, — личная печать наследного принца Лян. Один в один.

Цзян Суйчжоу непонимающе моргнул. Наследный принц Лян?

У нынешнего императора Северной Лян осталось мало наследников. Двое сыновей погибли в той самой битве при Сюньяне, где армия Лян едва не была уничтожена, а отец Хо Уцзю пал смертью храбрых. Тот поход оставил императора Чжаоюаня калекой с кучей старых ран, отчего он пребывал в вечной немощи. Единственный выживший сын, Хо Юйянь, тоже был слаб здоровьем. По истории, он процарствует всего два года после восшествия на престол и умрет,

едва перешагнув тридцатилетний рубеж.

Значит, эта печать принадлежала Хо Юйяню.

— И что из этого следует? — не унимался Цзян Суйчжоу.

Хо Уцзю открыл рот, но не смог вымолвить ни слова. Он не мог признаться, что это личная печать его двоюродного брата, которую тот использовал лишь для самых важных и секретных донесений.

В юности, когда они сражались на разных участках фронта, Хо Юйянь всегда скреплял ею письма к нему. После того как дядя вззошел на трон, а брат стал наследником, эта печать стала символом его личных приказов доверенным лицам.

Но... откуда Пан Шао мог знать, как выглядит этот узор, чтобы так искусно его повторить?

В тот день Цзян Суйчжоу так и не дождался внятных объяснений.

Хо Уцзю некоторое время изучал письмо, а затем попросил оставить его у себя, пообещав рассказать всё, как только что-то прояснится. Цзян Суйчжоу доверял ему, поэтому, наказав беречь бумагу, оставил копию у него.

Последующие десять дней принц провел в поместье, вдумчиво выстраивая стратегию и отдавая распоряжения.

А затем при дворе грянул гром. Глава Министерства церемоний Ци Минь попал в беду.

Говорили, что его ученик Чжао Дуньтинь, ведя праздную беседу в кабинете учителя, случайно наткнулся на нечто, чего видеть не должен был. Покинув дом, он немедленно отправился во дворец к императору. Обливаясь горячими слезами, он уверял, что его наставник на мгновение помутился рассудком и совершил непоправимое, и умолял государя пощадить жизнь старика.

Император, сбитый с толку этими рыданиями, отправил стражу в дом Ци Миня с обыском. И расчет оказался верным: в тайнике обнаружили письма, доказывающие преступную связь с вражеским государством.

Маститый старец, служивший трем императорам, оказался предателем, водившим дружбу с Северной Лян!

Никто не сомневался в правдивости обвинений, ведь Чжао Дуньтинь, который был предан учителю больше, чем родному отцу, никогда бы не стал напрасно на него наговаривать.

Сам же Ци Минь, столкнувшись с учеником в тронном зале, не проронил ни слова оправдания. Он лишь отрешенно смотрел на изъятые письма и на стоящего на коленях Чжао Дуньтина, который, всхлипывая, сокрушался о «минутной слабости» наставника. Лицо старца было мертвенно-бледным.

Спустя долгое время он опустился на колени и трижды совершил земной поклон перед государем. Это означало, что сказать ему нечего.

Потрясение охватило двор. Император впал в ярость и приказал немедленно казнить всю

семью Ци Миня. К счастью, несколько сановников удержали его, убедив сначала бросить Ци Миня в темницу, чтобы провести тщательное расследование: выявить возможных сообщников и тех, кто помогал врагу изнутри.

В делах, касающихся Северной Лян, император всегда проявлял крайнюю подозрительность. Проглотив гнев, он велел заточить всё семейство Ци в тюрьму, решив определить способ их казни лишь после завершения следствия.

Пока весь чиновничий аппарат пребывал в смятении, в поместье принца Цзина царило спокойствие.

Хо Уцзю в четвертый раз посмотрел в окно. Он знал, что дело Ци Миня вызвало огромный резонанс. Они с Цзян Суйчжоу заранее продумали план, и принц уже привел его в действие. Сегодня наступила развязка: с самого утра Цзян Суйчжоу отправился к Сюй Ду, ожидая вестей от соглядатаев.

— Генерал?

Хо Уцзю обернулся на голос. Это был Ли Чаннин. Вместе с Вэй Каем они стояли у его постели, не сводя с него горящих глаз.

— Генерал, не тревожьтесь. Просто попробуйте, — мягко произнес лекарь.

Хо Уцзю отвел взгляд от окна, спустил ноги с кровати и, поставив ступни на ступеньку, медленно наполнил их силой. Это было чувство знакомое, но давно им забытое. Каналы меридианов всё ещё отзывались болью, но сквозь неё пробивалась мощь, к которой он так стремился. Стоило мышцам ног напрячься, как энергия хлынула по жилам к самым кончикам пальцев.

Медленно, немного неуклюже, но вполне уверенно он поднялся в полный рост.

Стоявшие рядом вскрикнули от радости и изумления. Хо Уцзю попробовал сделать шаг — ходить он ещё почти не мог, но это был первый раз за два месяца, когда он стоял на собственных ногах.

Радостные возгласы и слезы в глазах Вэй Кая должны были наполнить его сердце ликованием, но Хо Уцзю чувствовал себя не так счастливым, как ожидал.

Он в пятый раз посмотрел в окно. В главном доме Анъиньтана двери были распахнуты, слуги сновали туда-сюда, но хозяина там не было.

Хо Уцзю замер, а затем снова сел на кровать. Впервые он осознал: чтобы радость стала полной, её нужно с кем-то разделить.

И этим «кем-то» должен быть один-единственный, совершенно определенный человек.